

Викентий Вересаев

Ванька

Викентий Викентьевич Вересаев

Ванька

Аннотация

«Года три назад я работал монтером на одном большом петербургском железоделательном заводе. Как-то вечером, в воскресенье, я возвращался домой с Васильевского острова. Дело было в июне. Поезд пригородной дороги, пыхтя, мчался по тракту вдоль Невы; империял был густо засажен народом; шел громкий, пьяный говор...»

Викентий Вересаев

Ванька

Рассказ приятеля

Года три назад я работал монтером на одном большом петербургском железоделательном заводе. Как-то вечером, в воскресенье, я возвращался домой с Васильевского острова. Дело было в июне. Поезд пригородной дороги, пыхтя, мчался по тракту вдоль Невы; империал был густо засажен народом; шел громкий, пьяный говор.

– А что, дяденька, в Александровское село доеду я на этой машине? – обратился ко мне мой сосед, толстогубый парень с крепким, загорелым лицом. Он был в пеньковых лаптях и светло-сером зипуне, на голове сидела громадная облезлая меховая шапка. Серую деревнею так от него и несло. Несло, впрочем, и водочкою.

– Доедешь, – ответил я.

– А тебе на которо место? – спросил его сосед по другую сторону, старик сапожник.

– Значит... в Александровское село!

– Я понимаю, что в Александровское... Место-то какое? Какая улица?

– Не знаю я...

– Эх ты тетка Матрена!.. Давно ли в Питере?

– В Питере-то?

– Да, в Питере-то!

– Нонче утром приехал... Значит, в селе Александровском земляк у меня, у него я пристал. А сейчас к дяде ездил на шашнадцатую линию, – у господ кучеряет... Винца, значит, выпили с ним...

– Как же ты теперь домой попадешь, дурья ты голова? Нужно знать, какая улица – раз, как номер дому – два! – поучающе произнес старик.

– Он думал, тут деревня ему, – отозвался из-за спины скамейки фабричный парень. Спросил: «Где тут, братцы, Иван Потапыч живет?» – а ему всякий: «Вон-он!..» Нет, подожди, – эка ты, брат, какой!

– Должен был адрес спросить! – поучал старик.

– Вер-рно! – с удовольствием согласился парень в шапке и потрянул головой.

– Вот теперь и ищи земляка своего!

– Ты какой губернии-то? «Скопской»? – быстро спросил фабричный.

– Скопской.

– Ну, во-от!.. Скопской, – сразу видно!

Кругом засмеялись. На парня сыпались насмешки. Он потряхивал головой, затягивался сигаркою, самостоятельно сплевывал и с большим удовольствием повторял: «Верно!.. Правильно!..»

– Вот тебе село Александровское, приехали. Слезай, ищи

земляка!

Парень торопливо встал и спустился вниз. Слегка пошатываясь, он быстро пошел посреди улицы, потряхивая головой и мягко ступая по мостовой пеньковыми лаптями. На перекрестке неподвижно стоял городской. Парень снял перед ним шапку, с достоинством потряхнул волосами, надел шапку и гордо зашагал дальше. Вскоре он исчез в сумраке белой ночи...

Дня через два мне дали на заводе нового подручного. Я тогда работал на линии. Передо мною предстал мешковатый парень, в огромных сапожищах и меховой шапке. Это был мой сосед по конке.

Он проработал у меня с неделю. Смех было иметь с ним дело, а иногда прямо невольно.

– Иван, подай лестницу!

Иван, глазающий на мою работу, начинает медленно шевелиться.

– Лестницу?... Ка-акую?

– Да давай скорей лестницу, че-ерт!! «Какую»!..

Иван не торопясь берет лестницу и, ворча, начинает ее прилаживать к стене.

– Сам черт! На-ка!.. Чего орешь?

В нем совсем не было заметно той предупредительной готовности принимать насмешки и ругательства, какую он проявил тогда на конке. Напротив, весь он был пропитан каким-то милым, непоколебимым чувством собственного до-

стоинства, которое совершенно обезоруживало меня.

Пошлешь его на станцию:

– Сбегай, принеси дюжину патронов, да поскорей, пожалуйста!

Иван тяжело пробежит десяток шагов и идет дальше, солидно и убийственно медленно шагая своими сапожищами. Ждешь, ждешь его. Через полчаса является, словно с прогулки.

– Где ты пропал?

– Где? А ты куда посылал?

– Чертова ты перечница! Пять минут сбегать, а ты полчаса ползешь!.. Квашня!

– Чего орешь-то! – хладнокровно возражает он.

Присели мы с ним как-то покурить.

– Ты бы, Иван, должен бы меня побольше уважать, – сказал я. – Ведь я над тобою выше стою.

– Черта ли мне тебя уважать!.. На-ка! – изумился Иван. И он с любопытством оглядел меня своими круглыми глазами, словно выискивал, – за что же это, собственно, я претендую на его «уважение»?

Необычно было с ним беседовать, – совсем с другой планеты спустился человек. «Жена моя из Подгорья к нам приведена...» Словно о корове рассказывает. Или сообщает, что отец письмо прислал, велит к Ильину дню выслать пять рублей, а то отдерет розгами. Это двадцатилетнего-то мужика... И обо всем рассказывает так, как будто иначе и не может

быть.

Через неделю его взяли на станцию. Однажды мой всегдашний подручный загулял, и мне снова дали на день Ивана. Опять явился он в своих сапожищах, медленный и солидный, при взгляде на которого сердце начинает нетерпеливо кипеть.

– Ну ты, дубовая голова, подбери губы! Давай тали заправлять! Живо!

Иван молча нагнулся, взял веревку и стал поспешно продевать ее в блоки. Продевает и все молчит. Я покосился на него: что это с ним?

– Ты что же не ругаешься? – сконфуженно спросил я. – Обругали тебя, ты должен ответить.

Иван молчал.

– Что же ты молчишь?

Он исподлобья взглянул на меня и вдруг самодовольно ухмыльнулся.

– Нешто я не понимаю? Небось ты мне старшой! Я против тебя не могу слов говорить!

И весь день был со мною смирен и испуганно почтителен.

Как-то поздно вечером я зашел на нашу электрическую станцию. Помощник машиниста возился около паровой машины; дежурный у доски, повернувшись к доске спиною, читал «Петербургский листок». Иван неподвижно стоял у стены и пялил сонные глаза на ярко освещенные циферблаты вольтметров и амперметров.

Следом за мною вошел наш мастер. Засунув руки в карманы кожаной куртки, с папироской в зубах, он остановился, посвистывая, в дверях. На лицах присутствующих мелькнула мимолетная улыбка, все насторожились.

Вдруг лицо мастера налилось кровью, глаза свирепо выкатились.

– Ванька, где мятла?! – гаркнул он.

Иван вздрогнул и быстро отделился от стены.

– Мятла... Мятла... – растерянно повторил он своим псковским говором. Он схватил стоявшую в углу метлу и стал быстро мести дощатый пол.

– Я на тебя негодяй, десять рублей штрафа запишу! – орал мастер, топая ногами как сумасшедший. – Ты для чего тут приставлен, дубина стоеросовая?... Это что? Это что?

И он указывал рукою на окурок, валявшийся около решетки динамо-машины.

– Поднять!.. Что за беспорядок?!

Я в изумлении смотрел. Что это тут за салонный паркет, на котором и окурку нельзя валяться? Кругом посмеивались.

Оказалось, дело было просто. Иван и на станции держался тем же деревенским обломом, совершенно не понимавшим всех тонкостей почтительности и подчинения; он и шапку снимал перед мастером, и не садился при нем, а все-таки во всей его манере держаться сквозило глубокое и несокрушимое чувство своего достоинства; смешно станет – захохочет и скажет, отчего ему смешно; обругают – огрызнется. Мастер

взялся за его муштровку. Иван обратился для него в предмет забавы. Как только он замечал, что Иван стоит без дела, так сейчас же делал свирепое лицо и орал громовым голосом:

– Ванька, где мятла?!

Запуганный, сбитый с толку, Иван беспомощно и очумело метался теперь под тучею непрерывных начальственных окриков мастера. Пол электрической станции действительно превратился по своей чистоте чуть не в салонный паркет, но все-таки на нем всегда можно было найти соломинку, спичку или обрывок проволоки, из-за которых снова поднималась история.

Однажды, когда мастер в моем присутствии заорал на Ивана, я не выдержал.

– Простите, господин мастер, вы просто издеваетесь над человеком! – резко сказал я. – Если вы взыскиваете с мельщика за каждый окурок, так потрудились бы запретить тут курить...

– Что такое? В чем дело? – невинно и озабоченно спросил мастер, близко подходя ко мне.

– В том дело, что этот парень сюда не в шуты нанят, а вы из него потеху делаете для себя. Что ему, все время без перерыву пол мести, что ли?

– А это до вас касается? – с ядовитой почтительностью ответил мастер. – Ты что ж стоишь, негодяй?! – злобно крикнул он на остановившегося Ивана. – Это что?! Видишь, сор! Чтoб сейчас же чисто было!

Иван испуганно бросился мести. Своим вмешательством я только повредил ему. Мастер, недолюбливавший меня, еще свирепее набросился на Ивана, и что против него можно было сделать? Мастер следит за чистотою станции, – это его право и обязанность.

Иван весь был теперь олицетворением какого-то очумелого испуга и обратился во всеобщее посмешище даже для своих же товарищей чернорабочих. Ночью, когда он спал (спал он всегда как мертвец), какой-нибудь шутник подкрадывался к нему и во все горло гаркал в ухо:

– Ванька, где мятла?!

Иван вскакивал, как от пружинки.

– Мятла... мятла... – испуганно повторял он сквозь сон и начинал метаться по комнате, отыскивая метлу.

Дружный хохот приводил его в себя.

Вскоре я уехал из Петербурга в Луганск. Года два я работал на южных заводах, потом воротился в Питер. Опять тот же завод на тракте, мастерские, разбросанные по широкому двору, приглядевшаяся электрическая станция.

Однажды вечером, сдав дежурство, я вышел из станции. Пошабашившие рабочие, с черными, маслянистыми лицами, в ожидании гудка толпились у выходных ворот. Сторожа в кожаных картузах неподвижно стояли у барьеров. Я присоединился к толпе.

Была метель; широкий заводской двор белел ярко-голубым светом электрических фонарей; от станции несло рав-

номерное пыхтение, клубы пара, словно громадные, растрепанные белые птицы, метались под ветром по двору и проносились влево, за ярко освещенную механическую мастерскую.

Толпа прибывала. Старики стояли, устало сторбившись, молодые нетерпеливо переминались и стучали ногою об ногу.

– Что ж гудка нету? Охрип, что ли? – сердито сказал стоявший передо мною слесарь, ежась и пряча руки в рукава.

– Чего прешь вперед? – ворчали сзади. – Видишь, люди стоят.

– Э, дура, боишься, каша дома перепреет?

– Нет, ребята, у него Манька нынче заждалась!

– Народу-то сколько, ба-атюшки! И кто их столько нарожал, чертей? – изумлялся кто-то.

В порывах метели носились и обрывались сальные шутки, ругательства. Нетерпение росло, увеличивавшаяся толпа напирала сзади, и свободный круг перед воротами суживался. Отметчики ругались и осаживали народ назад.

К калитке прошел мастер литейной мастерской, толстый, с поднятым меховым воротником.

– Сторонись, ребята, начальство идет! – с иронической почтительностью scomандовал кто-то.

– Брюхатое! – прибавил голос из толпы.

– Как бы, ребята, в калитке не застрял... Сторож, раскрой ворота!

Мастер не оборачивался и прятал голову в воротник, чувствуя на себе враждебное внимание принужденной ждать толпы.

Рядом со мною стоял токарь, лет сорока пяти, с черно-седою бородакою. Он сонно моргал глазами, и его худощавое лицо казалось при электрическом свете мертвенным; лицо было умное и хорошее, но глаза смотрели вяло, с глухим, глубоким равнодушием ко всему.

– Больно уж ты что-то уморился! – сказал я.

– С полночи работаю, – коротко ответил он.

– Что так?

– Прогулял два дня. Четыре рубля штрафа да четыре зарплатку – восемь целковых... Нужно наверстывать... До полночи посплю, а там опять пойду ось точить.

– Все работать... Когда же жить?

Он устало махнул рукою.

– Наша жизнь уж пропита!

– Три дня этак проработаешь – опять запьешь.

– Понятное дело...

За станцией, дрожа и покрывая свист метели, оглушительно загудел гудок. Толпа колыхнулась и устремилась к барьерам. Ворота распахнулись. Теснясь и спеша, рабочие пятью узкими потоками двигались между барьерами к воротам. У конца барьеров сторожа обыскивали выходящих, быстро проводя у каждого рукою спереди и сзади. Мы с соседом втиснулись в барьер и продвинулись к выходу. Перед

нами плотный и неуклюжий сторож тщательно и не торопясь ошупывал высокого рабочего.

– Да ты скоро? – сердито крикнул токарь. – Полчаса ждать тебя тут! Вшей, что ли, ты ищешь у него?

– Поговори у меня! – хладнокровно произнес сторож.

Он пропустил обысканного рабочего.

– Что стали? – крикнули сзади, напирая.

– Ну, дедо, держись!.. Дави, ребята!

– Черти! Кишки выдавили!..

Толпа стремительно наперла сзади и вытолкнула стоявшего впереди токаря, так что он проскочил мимо сторожа.

Сторож повернулся быстро и неуклюже, как медведь, поймал токаря за рукав, а другою рукою сорвал с него шапку и отбросил ее далеко в снег.

У токаря блеснули глаза.

– Ах ты негодяй! – крикнул он. – А если я с тебя шапку сорву?!

– Знай порядок! Куда прешь? – грубо ответил сторож.

– Ступай подыми шапку! – яростно крикнул токарь, наступая на него. Толпа грозно зароптала.

– А в контору хочешь? – выразительно спросил сторож.

– Вот тебе контора!

Токарь сорвал со сторожа картуз с бляхою и швырнул его навстречу метели.

Сторожа схватили токаря.

– Веди его в контору!

– Погодите, любезные, мы все в контору пойдем! – сказал я. – Мы там справимся, смеете ли вы с нас шапки срывать.

Старшего отметчика в проходной конторе не было: он как раз ушел за чем-то. Мы остановились в ожидании. его у входа. Сторож стоял и крепко держал токаря за рукав.

– Не держи меня, я сам не уйду! – бешено крикнул токарь, вырывая руку.

– Ты у меня поговори! – пригрозил сторож и схватил его снова.

Сторож был теперь без шапки. Я взгляделся в него: крупные губы, странно знакомое лицо под волосами в скобку...

– Ванька, да это ты?! – с удивлением воскликнул я.

– Вот те и Ванька! – грубо ответил сторож.

Наши показания не повели ни к, чему. Токаря уволили с завода, а сторож остался. Массивный и неуклюжий, он стоит у ворот, застыв в тупом величии. Этакого грубого скота я еще не встречал. Думаю, недолго до того, что как-нибудь в укромном месте его избыют до полусмерти.

– Да, вот те и Ванька!..